

АЛЕКСАНДР ЯШИН О ЯЗЫКЕ

Прошлый год был объявлен в нашей стране Годом русского языка. Но годом русского языка у нас, русских людей, должен быть каждый год нашей жизни. Из года в год должен быть наш родной язык постоянной заботой и любовью. Ибо «язык» по-славянски - это народ. Выходит, понятия «язык» и «народ» тождественны. И насколько это серьёзно - об этом говорили многие великие люди, в том числе и замечательный наш педагог Константин Дмитриевич Ушинский. В его статье «Родное слово» определяется вся глубина этого слова: «Язык народа - лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина, в нём претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, её воздух, её физические явления, её климат, её поля, горы и долины, её леса и реки, её бури и грозы - весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. (...) Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. Отнимите у народа всё, и он всё может воротить, но отнимите язык, и он никогда более уже не создаст его...» Иллюстрацией к этим словам Ушинского может служить небольшой рассказ-зарисовка А. Яшина «В поезде», написанный перед войной. По языку мы узнаём и время, и место действия и события, а главное - характер людей, отношение их к общественным событиям. И ещё о писателе Александре Яшине, любующемся своим родным языком.

В ПОЕЗДЕ

В поезде один вагон целиком был занят колхозниками-северянами.

На севере что ни район, то свой особый говорок, и когда в вагоне начинался разговор, от смешения разных наречий возникала какая-то сказочная музыка хвойного леса, пения птиц и шума озёрных вод. Текла бавовитая и неторопливая, как Северная Двина, былинная речь помора, колёсами катились округлые слова вологодского молодого паренька, разлетались, прищёкивая и причокивая, рифмованные прибаутки и побасёнки девушки из Чёбсары, подвывал ветровой, не смягчающийся ни при каких условиях, первозданный звук «В».

А разговоры не умолкали. Сначала знакомились, рассказывали, кого за что послали на курорт, немножко хвастались каждый своим колхозом, потом жаловались на непорядки - у каждого колхоза свои, говорили о последних событиях в стране и за границей.

Молодайка из Никольска расска-

зывала, как её соседка провожала в тёплые страны - на Кавказ:

- Дожила, бают, горющица, до светлого праздничка. Поезжай, отбей и за нас поклон морюшку синёму. Будешь там кушать наливные яблоцьки, будут тебя цьем поить из хрустального блюдецька. На горы, бают, поднимись, загляни на небо...

Но больше всего разговаривали о трёх советских лётчицах, затерявшихся в эти дни в далёкой уссурийской тайге. Как-то они сели, здоровы ли, скоро ли их найдут?

На больших остановках мужчины выходили на станцию, разыскивали газетные киоски, спрашивали, что нового слышно. Женщины от поезда не отходили, боялись отстать.

После каждой стоянки в вагоне начинался разговор:

- Ну как?

- Пятьдесят самолётов кружат над болотами, и охотники ищут.

- Ну, коли охотники пошли, - начал старый колхозник из Вологды, старательно округляя каждое слово, - то особенно волноваться

нечего. Овидень исколесят вся тайгу. Я сам смолоду по охотничьей части промышляю и потому охотничий норв мне доподлинно известен. В чём состоит наше рукоремесло? Знать лес на сотни вёрст вокруг своего околотка. Болото лё, бор лё, осинник лё - около дома всё должен знать. На во семь локтей охотник в землю видит.

- Видные девки и бабы стали водиться у нас! - сказал колхозник из Заозерья, причём звук «в» во всех случаях у него не утрачивал своей резкой воющей звонкости, отчего слова его напоминали шершавые неструганые доски. - В морях - за моряков, в небе - за вожаков, в лесах - за охотников. Ни богов, ни лешаков, ни вовков не боятся. Летели, поди, - про нашего брата, мужьёв, и думать забыли.

В Харькове поезд стоял минут тридцать. В вагон входили продавцы мороженого, конфет и горячих пирожков. Колхозники взяли пирожков.

Когда кондуктор предложил чаю, молодайка в сарафане, ширины которого хватило бы закрыть целую копну необмолоченного хлеба, ответила за всех:

- Без цяю не скуцям, и отказаться от цяю моци нет.

Стали пить чай.

Вошёл продавец с огромной кожаной сумкой.

- Конверты, открытки, карандаши по десять копеек, журналы свежие, дорожные блокноты по рублю. Покупайте, граждане, конверты.

Никто не ответил. Продавец повторил всю тираду снова, тогда пассажиры заговорили.

- Взяли бы, милой, да чего писать-то? Без году неделя, как из дому отправились. Бабы, наверно, всё ещё вслед на дорогу смотрят.

Продавец вышел. Через минуту в вагон втиснулся второй. Опять - карандаши, открытки, почтовые конверты...

Колхозники стали как-то смущённо отворачиваться: братъ - ни к чему, и не братъ словно бы неловко - цело-

век работает добросовестно, надо подерживать...

- Конверты, открытки, карандаши... - на одной ноте повторял сумочник. И вдруг, как-то по-свойски, словно за обеденным столом в семье, сообщил: - Сейчас передали по радио: «Родину» нашли, лётчицы живы.

Словно свежий ветер, распахнув двери, ворвался в вагон. Откинулись занавески на окнах, забренчали стаканы, поднялись пассажиры со своих мест.

- Что я говорил!.. - захлебываясь от волнения, сказал охотник. - Раз наши пошли - овидень отыщут. Спасибо товарищу за доброе слово.

Никольская молодайка подошла к продавцу, взяла его за кожаный ремень сумки, потом за руку, глянула на него сверху так, как будто хотела обнять, и, не сказав ни слова, села.

Сумочник, широко улыбаясь, довольный пошёл дальше.

- Открытки, конверты, карандаши...

- Постой, товарищ, куда торопишься? - остановили его пассажиры. - Конверты есть, а молчишь. Дай-ко парощку...

- Мне две открытки, милой человек.

- Почём карандаши? Дай, который помягче...

И огромная кожаная сумка опустела.

Продавать было уже нечего, но сумочник всё же пошёл в следующий вагон и первым сообщил радостную весть.

1 января 1940 г.

В одной из автобиографий Яшин писал: «В Вологодской, Архангельской областях - что ни район, то свой особый говорок: мы окаем, цокаем и чокаем». Для примера предлагаем небольшую запись из дневника 1951 года. Яшин после получения премии за поэму «Алёна Фомина» приезжает в родную деревню:

«Колхозники рассматривают мою книгу «Алёна Фомина». Вот разговоры:

Один читает:

- Александр Яшин. Алёна Фомина. Видев? Олѣксан Яшин, Олѣна Фомина. Ой, па-аре-е! Это ты, знацит.

Читает дальше:

- Советский писатель. 1950 год.

Из толпы:

- Цюко, бает - совецькой писатель.

Это про него, поди.

- А хто он тамока типере? (Это вопрос об авторе).

- Писарь, бают, книги социнеёт: на роботу не ходит, а денек дают много. Колька Гришки Миколихина говорив, будто складно пишет. Во как!

- Это ты про какую, Шура, Олѣну-ту написав?

Потом начинают разговаривать об авторе, как будто его тут нет.

- Цюко, иде цево увидит, о том и социнеёт. Издит, издит и всё записывает.

- Поно, девка. Цюла звон, да не знаешь, иде он. Он всё из своей головы выдумывает».

Позже приписано А. Яшиным: «Поно, девонька!»

А. Яшин ещё в начале творчества уже понимал место своего родного языка в литературе: «27 мая 1934 года. Нам нужно вводить в поэтический лексикон северный говор, конечно с выбором, осторожно, осмысленно. Мне не продолжать ли путь «Льно-завода»? Лицо поэта всё-таки складывается прежде всего из его словаря».

В дневниково-стихотворных ранних тетрадях сохранилось и первоначальное написание стихотворения «Авдотья Петровна», сильно отличающееся от книжного варианта. Видимо, правили редакторы, склоняя к этому и поэта, который в дальнейшем отказался от своего деревенского говора, вносившего особый колорит в произведения. Но всё же дух северной речи остался. Это видели многие литературные критики. Поэт А. Пердреев писал о языке Яшина: «...с его глубинностью, серьёзностью творчества, основанного на коренном языке».

Тетрадь июль 1937 - октябрь 1938. Стихотворение-очерк с местным колоритом - диалектом, которое потом в изданиях не вошло.

*Ластоцьки ещё не кружат в полях,
На небе ни оболюцька.*

пот на траве.

Спит как убитая вся земля -

всё хорошо.

А мы уже на льнице обе-две.

Дали нам по кофтоцьке -

в бабоцьку шёлк,

Ситцю нам дали - всё хорошо.

Только на загон - ну хоть не ходи! -

Я рву по сотне, она - впереди.

Что, баю, за цудо,

как быть-стать?

Стала я приглядыватъцё,

стала примецять.

Как да что да - стою на том.

Пять снопов нарву и опять -

как, что.

Взяло за живое, жить не даёт.

День прошёл, два прошло, три -

И вот

Стал-таки праздник

на моей стороне

Она даёт десять,

Я - вдвойне,

Она нарвёт сотню,

Я - полторы.

Но вижу: нелады у нас с той поры.

Говорю подружке:

- Форс-от брось!

А моя подружка и дружбу врозь.

Песен со мной заодно не поёт,

Цяю со мной со тех пор не пьёт.

Что ты, баю, дуешьсё, злишьсё всё,

Что ты, баю, пароцька, сердисьсё?

А она молчит, словно враг навек.

Словно бы скуцует. Цюдной цѣловек.

И по ночам, вижу, жжёт огонёк.

Ну, думаю, баба, ну и думок.

Думаю, отробила - плецё в плецём,

Только после стали

мы отцитыватъцё.

Вывалили мой из предбанника лён -

Старики покрякивают: лён как лён.

Привезли Овдотын - мой на смех -

Лён у Овдотьи что тебе снег.

Щупом перещупывают

каждый сноп -

Лебедь длинношеяя - каждый сноп.

Я к подружке: как, говорю?..

Что за ленок?

Сколько суток вылежал?

Сколько мок?

А она смеётся: - Форс-от брось!..

Надо, grit, напрок выстилатъ
не врозь.

У меня не злость, grit,
к тебе была...

И, как бывало, к себе повела.

Цаем поит меня, с мёдом поит,

Книгу показывает:

- Вот, - говорит.

Наша Овдотья всегда одна,
Наша Овдотья во всём видна
Бабы - от нас и до Чухломь:
Как, грят, Овдотьюшка - так и мы.
Нашу везде она линию гнёт.
Чуть не под силу - книгу возьмёт.
А с книгой Овдотье всё нипоцём!
Выберем Овдотью, - справитцё.

И снова - и время, и взаимоотношения двух женщин, и очарование колорита языка. И, оказывается, колорит этот можно растерять, если надолго расстаться со своей родиной, чего Яшин никогда не делал, если жить в другой стране, если не отходить от радио и телевизора... Приезжаешь сейчас в деревню - и те же люди, но совсем другие, по-другому говорящие, не так, как пятьдесят лет назад.

Из дневника: «14 янв. 1947 г. Поэт, даже хороший, не имеющий постоянного общения с народом, с жизнью, с какой-либо областной родиной, можно и Москвой, представляет собою приёмник без заземления. Глух и слаб его голос».

Снова одна из ранних записей разговора о языке, характерная для того времени: «25/VI. 29 г. «Ты зачем слова-то русские коверкаешь и искажаешь, когда говоришь?.. Ты ведь эдак только наш великорусский язык портишь».

«Шаблона не люблю». «Жизнь шаблонна и люди шаблонны, да если ещё и язык наш будет шаблонным, тогда и жить не стоит, и без того скучно...»

«Чуждый элемент», - заключает пятнадцатилетний мальчик - Шура Попов (Яшин).

О языке Яшин говорит и в своих статьях, в ответах на анкеты о литературе и языке. Например, так: «Что же касается долговечности языковых

традиций в русской литературе, думаю, что и сегодня наиболее живой и современной является та, которая питается соками живого, разговорного языка. И так будет всегда», - уверен поэт и добавляет: «Ужасен литературный язык без национального колорита, этаким общеевропейский...»

Но, кроме таких серьёзных рассуждений, у Яшина встречаются и высказывания и наброски стихов о языке. Оцените это неподдельное очарование и любовь его к родному языку.

Ещё не успев перейти за порог
Отеческий, я уже много узнал
Радостей всяких, надежд и тревог.
Угрюмый, коряжистый говорок,
Как разжурчался ты,
Как просиял.
Неразговорчивый заговорил,
Словоохотливый замолчал.

1937 г.

А вот и работа над стихотворением - тут же, другой вариант:

Ещё не успев перейти за порог
Отеческий, я уже много успел.
Узнать всяких радостей
и тревог.
Таёжный угрюмый,
родной говорок,
Как разжурчался ты,
Как просветлел.

В этих бы комнатах
с мамой жить
Тихо и радостно.
Всё готово.
Мама б варила, топила жир,
Штопала, шила.
Ни грязи, ни дыр.
Мне бы одно - управляться
со словом.

1939 г.

Разные записи в разные годы встречаются в дневниках Александра Яшина о слове, сравнении, образе:

«10 июля 1959 г. Человек настолько не любил всяческую стандартность, языковые шаблоны, что даже заглавные буквы называл высокими буквами...»

«12 августа 1939 г. Спросил: с чем сравнить этот березник, мне же надо сравнивать.

- С небом, - говорит.

- Почему с небом? Ведь ничего похожего.

- Широко, красиво и чисто, как небо. Больше не с чем. А моря я не видел. Степей тоже...»

Есть и стихи о языке, которые он включал в свои сборники. А слова из родного обихода он переписывает в тетрадь ещё в 1934 году. Знакомы вам они?

«Середа, рожоное, обживатьсья, ретивое, вёдро, милёнок, неужели-неужель, молотильник, нынче, милостыня, рукотерник, лопоть. Авдотья, Огрёна, укусной, зыбка, сердешный, взвоз, взъезд, зять, шурина, теща, золовка, со света сжила молодича, баба, молодайка, пользоваться (лечить), токмо (олёкма), жонка-га, парень-то (ту), с кою-ту сторонущу, города-ти, волок, лямка, вмоготу, хресьяне, с кою-то сторону град идёт, обходительный, из хорошего дома, попод мосту, попод крыше сузём, супротив нашего дома, спо ветру, принеси-косу.

Пожня, курево, кумекать, кум, мяляшка, трясучка, страданула, Олисава, озевать, зябко, однова (однажды). Тамотко, стряпня, суженой, простуда, посуда, учуять. Здешний. Ряженой.

Водиться с кем-либо, могутные парни и мужики. Мирской. Метка, здоровяк, плакса.

Неприглядист, неказист, лапти, онучки, рубаха. Завольничал. Старой жизни злая лихоманка. Лава - переход через реку.

Овьдень - в один день.

Обряд, обора, оборки, обронить, одёжа. Оголеть - обеднеть. Обездолеть. Обуток кожаный. Обнадеять, надея. Ладить, едрёно, деваха.

Баклуши бить, собутыльники, хозьяин, старожил».

И через 30 лет в дневнике встречаются записи: «3 февраля 1962 года. Родные забытые слова. Подь сквоззе - это, конечно, искажённое «провались сквозь землю» (поди сквозь землю). Спасибо - Спаси тебя Бог! Махо-

витый человек - широкая натура. Волонистые песни. Одного слоя люди - одного поколения. Понёбы (положить на понёбы рубашку), поднёбица. Шировега. Туес. Дежень. Деревцо - колода для лаптей. Журавлиха - клюква, жаравиха. Санапал («Вишь, санапал какой!» Сарданапал). Починок. Хлопуша - враль, хвастун. Лубня - коробка, сундучок лубяной. Лопоть - бельё. Возилка - неполный мешок. Подизбица. Сугрёвушка. Грудки. Рукотерник. Поляш - тетерева. Галаха. Залётка. Залавок. Судёнка. Промёжок. Поденье - осадок в топлёном масле. Любовина - мясо без жира. Расхожий с людьми. Мало стояла, много настояла - о продавце. Хвостить - врать. Тодильная. Заспа. Потки. Посконь. Собачиться - шалить. Просужий. Гоить, гоино - чисто. Хлебница, веко (крышка). Елыч - грибной, мясной, селёдочный. Летятина - дичь».

20 июня 1962 года: «Слова родные: дивья руководить таким районом. Верхник - верхний брус на дверях. Поколотиться - похлопотать, обратиться с просьбой». Оказывается, слова могут быть родными, родственниками.

28 августа 1964 года Яшин записывает в дневник: «Для очерка. Смакую родные слова, красоту которых в детстве не чувствовал. Это названия деревьев, речек, сенокосов, лесных волоков: Лубники, Городцы, Вязовики, Субори, Бобрихи, Хмельёвка, Смиряжиха. Это речки: Куданга, Анданга, Талица, Ногуля. Деревни: Осиново, Липово, Дворищи, Шири, Малиновка, Овинницы...» И, оказывается, словам можно радоваться, смаковать, наслаждаться их звучанием и смыслом.

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова Уходят из обихода:

В полях поляши - тетерева,

Летятина - дичь,

Пересмешки - молва,

Залавок - подобье комода.

Не допускаются в словарь Из сельского лексикона:

Сугрёвушка,

вал подзатыльник озорнику, и хорошие чувства брали верх в детской душе. Мы в раскаянье кричали уже хором, чтобы слышнее было:

*Клин, клин журавлин!
Путь-дорога!
Путь-дорога!*

Кричали до тех пор, пока журавли не выравнились.

И вот опять вспомнилось мне детство.

В этом году дожди, затяжные, упрямые, начались так рано, что стало казаться, будто вовсе не было лета. Свету не доставало даже в полях, и утром, и в полдень было одинаково пасмурно. Сырость пронизала небо и землю, в самом густом лесу не оставалось ни одного сухого места. Дороги испортились, поплыли, шипели, как тесто в квашне, вылезая на стерню, на луговую отаву. Листья на деревьях, всегда мокрые, не желтели и не облетали, сколько ни свистел ветер по ночам. Где же бабье лето? Где золотые рощи? Где кружевная паутина на скошенных лугах?.. Наверно, и птицы уже улетели, давно улетели...

Но вот выдался солнечный денек. Потом другой, третий... И стала осень делаться заново. Пришла тишина, мягко пригрело солнце, подсохла земля, даже дороги стали проезжими. А когда просохли на деревьях листья, оказалось, что они давно желтые. Как-то утром, проснувшись, моя дочка глянула в сад на засверкавшую осинку и ахнула: «Папа, у тебя под окном красавица!» Потом закружилась и листва в воздухе, облетели осинки, березки, тополя, даже дубы начали понемногу оголяться. Совсем сквозным стал орешник, и, откуда ни

возьмись, на опушку рощи выступили вдруг елочки.

А солнце с каждым днем становилось нежнее к земле, ласковее. Казалось, и так красиво кругом, а оно как выглянет, как начнет наводить порядок - не налюбуеться, не нарадуешься.

Наконец затрубили, закурлыкали журавли в небе. Все-таки взяла осень свое и на этот раз: появились над полями птички треугольники. Странным показалось это: зачем они покидают нашу землю? Все устроилось так хорошо, стало тепло и тихо, сейчас бы жить да жить, а вот улетают.

Стою я на крыльце, вспоминаю детство, слежу за журавлями и вдруг вижу - нарушился их строй, сбились птицы в кучу, заходили кругами, стремительно набирая высоту. Словно самолет пронесся близко, - завертело их ветром, подкинуло.

Но мне представилось, что это опять ребятишки-озорники из какой-нибудь соседней деревни сбили журавлей с толку обидными словами. Я поверил в это, и такое доброе чувство к летящим птицам охватило всю мою душу, что я не заметил, как начал, правда негромко, почти про себя, но все-таки вслух шептать слова, которые знал с детства: «Клин, клин журавлин! Летите, не сбивайтесь, домой возвращайтесь!.. Путем-дорогой! Путем-дорогой!..»

И вот уже выправились журавли моего детства, угомонились их вполосненные голоса, и, благодарные, полетели птицы все дальше и дальше под ясным солнцем родного края, полетели путем-дорогой.

1954 г.

**Публикация
Наталии ПОПОВОЙ-ЯШИНОЙ**